

Тьма самой глубокой ночи не сравнится с тем, что предстаёт пред человеком в момент смерти. Некоторые зовут его Жнецом, другие злым роком, но я предпочитаю название более ясное, более осязаемое: Морок. Состояние, когда ты теряешь рассудок в предсмертной агонии, когда ты теряешь память, чувства, теряешь самого себя, растворяясь в забвенной круговерти боли, отчаяния, и страха. Страх не перед неизвестным, не перед судом божьим и даже не перед собственной совестью, нет, всё это теряется в момент когда вражий клинок сталкивается с твоей плотью, ведь ничто так хорошо не заглушает моральные терзания, как вид собственных внутренностей, вывернутых на пыльную землю. Страх этот возникает перед самым, что ни есть, знакомым местом, про которое нам рассказывали священники с самого детства. Там, в приюте, где мы росли, нас щедро одаривали страшными историями о небытие, которое наступит если не жить праведно и безгрешно. Бездна, что поглощает врагов божьих. Пристанище тварей, не достойных Его благодатного света.

-Очнись. - резко, и очень чётко промелькнуло где-то на подкорках сознания. Отдающий надеждой женский голос взывал к самой сути, что была давно потеряна. Откуда-то извне этой непроглядной тьмы, откуда-то из-за этих нависших надо мной острых зубов кровожадной твари, копошащейся в моём пробитом брюхе, незнакомка звала меня вернуться.

***

Тёмная дымка тягучим, тяжким металлом расплзлась по лицу, наполнила собой нос, потекла в горло и обожгла его своей горечью, заставляя желудок выворачиваться наизнанку от тошнотворно-сладковатого зловония смерти, примешанного к запаху горелого металла. Лунный свет, чудом пробившийся сквозь непроглядную преграду из тёмных облаков, осторожным изогнутым ореолом огибал очертания странной, скрюченной фигуры. Конечности существа были длинными, но тонкими, словно высушенные веточки, его туловище, закутанное в старый, пыльный плащ, было непомерно коротким в сравнении с руками, и достигало чуть больше четырёх футов в своей длине, в то время как руки были всех шести, а то и семи футов от плечевого сустава до начала массивной кисти. Ноги, скрытые за грязными, пропитанными гноем и кровью полами старого плаща, похожего больше на старую тряпку, были не менее тонкими и длинными, но существо сейчас согнуло их в противоположную сторону от анатомически правильного расположения коленной чашечки, чтобы нагнуться. Худой, скрюченный гуманоид с руками-палками был чёрным, и лишь два глаза выделяли его от иллюзорных теней, пляшущих в тьме ночного могильника, горя двумя красноватыми бусинами. На лице гуманоида нет рта, нет носа, лишь чёрная, поражённая язвами и ожогами кожа и два красных глаза. Жуткое зрелище, но на удивление подходящее для окружающей обстановки. Пальцы существа, обмотанные грязными бинтами, осторожно ощупали мягкую, мертвенно-серую кожу мужчины, на чьём лице посмертно застыло выражение безразличного умиротворения. Тело уже подгнивало от срока своего захоронения, но даже с проглядывающимся местами черепом, это величавое выражение всё ещё хорошо читалось. Пепельно-белые, длинные волосы, заплетённые в аккуратный хвост, своими концами ниспадали на старинный латный доспех, который уже потерял былой блеск и белизну, превратившись в шмат поеденного коррозией металла, на котором уже и герба разглядеть не получится. Труп держал свои руки на груди, поверх нагрудника, сжимая в них клинок. Такой же старый и неприглядный, словно бы говорящий всем видом что эпоха ушла, оставив по себе лишь жалкие следы былой красоты, былой истории.

-На-на-на-ш-щ-ш-ш-ё-л-л-х-х...- Существо, что вытащило мертвеца из его могилы, радостно зашипело своим противным, низким голосом. У него не было рта, каждое слово словно бы шло из глубин его грудины, отдаваясь утробным рокотом и шипением, готовым вот-вот оборваться или перейти в предсмертный хрип. Дрожащее тело гуманоида смеялось, раскачиваясь на длинных ногах, словно на ходулях. Оно с нетерпением сунуло до безобразия длинную руку за

пазуху, и вытащило оттуда небольшой флакон с зеленоватой жидкостью. -В-ы-вос-стань-гь-гь-гь...

Голос существа расходился раскатистым эхо по обширному кладбищу, пока эликсир лился на тело давно почившего рыцаря. Оно гоготало, приговаривая невнятные речи, скрипело и щёлкало суставами от нетерпения. Но Морок не терпит нарушителей его покоя. Место, где кончается жизнь, и где души находят свой покой спустя десятилетия агонических скитаний по этой прогнившей земле, не просто так было усеяно множеством защитных оберегов в форме крестов и распятий. Тот, кто нарушит его покой, узнает на личном примере откуда взялся обычай хоронить тела умерших. Ведь лишь предав тело земле, можно было избежать возвращения оногo в мир по эту сторону Морока. Раздался тихий свист, словно что-то рассекло воздух, и ликующее кряхтение безликого существа оборвалось хрипловатым бульканьем. Опустевший флакон упал на землю, рядом с расплескавшейся лужей чёрной жижи, заменяющей этому нечто кровь. Разделённое напополам тело взревело, задёргалось, извиваясь в предсмертных конвульсиях.

-Къхях... как смел ты... идти против замысла моей госпо-

Крикливое существо умолкло под тяжёлым сапогом огромного воина в чёрных доспехах. Послышался неприятный «чвяк», после которого жизнь расхитителя могил оборвалась окончательно. С тихим стуком огромный двуручный меч из чёрного железа был закинут на плечо, после чего рослая фигура в шипастых доспехах того же цвета бросила взгляд на мертвеца. За забралом его шлема не было видно ничего, кроме тьмы, но тяжесть взгляда могла ощущаться почти физически. Не увидев ничего, что могло бы заинтересовать Морок, стражник местного покоя скрылся в глубине тёмной дымки.

***

Зрение плыло от едкого зловония, голова болела от странного ощущения, словно бы её зажало тисками. Конечности не слушались, тело не могло пошевелиться. Странные видения посещали воспалённое сознание, доводя ощущение реальности происходящего до неразумно размытой, несуразной грани миража, при которой не было смысла даже пытаться ставить под сомнение происходящее вокруг, ведь вопрос к реальности наблюдаемого останется без ответа. Загробная пляска тёмных теней пыталась уволочь сознание обратно, скрыв его в приятной, липкой, забвенной тьме бессознательного, вечного сна. Но проснувшаяся воля не желала следовать прихотям бестелесных духов, сопротивляясь, прилагая бессознательные усилия лишь для того, чтобы, наконец, распахнуть глаза. Полумрак "потухшего" неба, скрытого за непроглядной завесой мрачного смога, что тянулся по небосводу плеядой чёрных, тяжёлых облаков, скрывающих собой свет дневного светила, трезвил своей навязчивой тяжестью, словно давя на сознание до ужаса мрачным осознанием нависшей над головой тяготы, что выплеснулась столь мрачным природным явлением. При попытке согнуть руки в локтях послышался металлический скрежет. Пришлось приложить некоторое усилие чтобы выровнять туловище и, наконец, сесть. Затуманенный взгляд осторожно скользнул по окружающему мраку, подмечая нагромождения каменных памятников умершим. Под руками ощущается что-то мягкое, но грубое, а при попытке пошевелить пальцами чувствуется некоторое сопротивление. Когтеобразные кончики пальцев латных перчаток взрыли исчерна-серую землю, которая не хранила более в себе жизни. Отняв одну руку от мёртвой почвы, и рассмотрев ладонь, было видно кожаные элементы, обеспечивающие подвижность кисти, которая явно была чрезмерна, как для простого хвата меча. Скрежет металла повторился, когда человеческая фигура, пошатываясь, поднялась на ноги. Глухой звон упавшего на землю меча привлёк внимание затуманенного вопросами и растерянностью взгляда. Клинок смутно отдавал чем-то знакомым, словно человек, чьи черты лица кажутся смутно знакомыми. Рыцарь даже не был уверен в том,

что умел держать меч в руках, но зов старой памяти, а точнее, её остатков, не позволил игнорировать не менее старое оружие, которое незамедлительно заняло пустующее место в ножнах, болтающихся на поясе. Растерянность уступила место любопытству, словно бы к мужчине вернулась недостающая часть его самого. Рефлекторно поправив прядь пепельных волос, которая металась перед глазами, затронутая порывом внезапного ветра, воин минувших эпох ещё раз окинул могильник взглядом. В этот раз он показался чуть более жутким, чем секундой ранее, словно это место внезапно поменяло своё мнение о мечнике, что отразилось в дискомфорте, словно чьё-то злое внимание сосредоточилось на некоем зловредном нарушителе древних устоев. Даже не понимая толком происходящего, человек повинился этому тонкому намёку, наконец начав двигаться по просторным дорожкам, протоптанным между бесформенными нагромождениями саркофагов, крестов, древних могил и стоек для свечей и благовоний, на которых, кажется, уже не одно столетие господствует лишь зеленая, люминесцирующая плесень, в которой что-то неприятно копошилось. На удивление, смотря на мерзкое сплетение липкой, зловонной жижи с некой грибовидной формой жизни, в недрах которой ползали поблёскивающие черноватым хитином насекомые, явно являясь симбиотами этой светящейся плесени, которые скреблись своими мелкими лапками о гранитные плиты, разбавляя гробовую тишину тихим праздником жизни, ощущалось некоторое облегчение от того, что не всё в пределах поля зрения подчинилось мрачной воле Морока. Спустя некоторое продолжительное время мрачных блужданий, призванных избавить себя от странного предчувствия, человек остановился у высокой стелы из чёрного мрамора, которая была в три его роста высотой, руны на которой оказались закрыты массивным наростом встреченной ранее плесени, который покрыл собой две трети общей площади обтёсанного камня. Некоторое время понаблюдав за вечно шуршащим роем странных насекомых, которые выбрали в качестве своего дома столь странное органическое образование, и которые, в отличие от своих собратьев в мелких "ульях", вымахали до размеров человеческой ладони, позволяя чуть подробнее разглядеть свой экзоскелет, представляющий из себя овальный кусочек чёрного блеска, с матовыми глазами-крапинками и длинными усиками, которые то и дело обследовали всё вокруг своим едва заметным колебанием, рыцарь хотел двинуться дальше, но, к сожалению, он совершил ошибку, потеряв бдительность. Свист рассечённого воздуха заставил мечника рефлекторно выхватить оружие из ножен, скрестив клинки с неизвестной угрозой. Раздался скрежет и взметнулись искры, освещая начавшую сгущаться дымку мимолётным всплеском бледного света, который отразил блеск чёрного железа. За ту секунду, что чёрный клинок давил на лезвие потускневшего от времени меча, пепельновласый понял своё проигрышное положение в плане грубой силы, а потому скосив клинок в сторону кончика, он позволил усилию противника пройти в сторону. Меч стражника местного покоя соскользнул в сторону, позволив нарушителю сменить стойку на более уверенную, и, оттолкнувшись правой ногой, тот нанёс уверенный укол в плечо противника, рефлекторно метая в подмышку. Вновь от столкновения металла полетели искры, разметав свет по сумрачному, дымчатому воздуху, позволяя разглядеть тщетность этой атаки. Воин в светлых доспехах тут же вернул клинок, но противник не медлил, тот час же рубанув из нижней позиции по диагонали. Он играючи использовал свой до ужаса тяжёлый мяч, нанося удары с пугающей силой. Искры опять отлетели от столкновения оружия и доспеха, запечатлив во вспышке света то, как светлый мечник отлетел в сторону вместе со своим оружием. Послышался грохот разбитого камня. Какое-то безымянное надгробие остановило полёт нарушителя, завалив его под своими обломками. Чёрный рыцарь привычным движением закинул клинок на плечо, и хотел было двинуться в сторону всё ещё барахтающегося убожества, что посмело оттолкнуть благодать Морока, предпочтя забвенью скитания по гниющему заживо миру, но сделать он не успел и трёх шагов, как что-то стеклянное разбилось о буви́гер его тёмного доспеха. Вспышка бушующего пламени с рёвом взметнулась в сторону от разлетевшейся на осколки колбы, добавляя к смраду смерти и огня чуть больше горелых ноток чем было до этого. Глаза нарушителя, перед которыми уже поплыла аловатая пелена,

перестали различать что либо кроме смазанных движений в полутьме дневного могильника. Дым уже слался полноценной завесой, которая отдавляла теплом. в ней было что-то, что при вдыхании вводило в состояние покоя, словно бы мирская суета вновь покинула тело, лишая его последних сил. Последнее, что увидел нарушитель в светлом доспехе прежде, чем закрыть свои тяжёлые веки, - юркая, миниатюрная фигурка, которая спешно прятала за спину какое-то оружие, и, пользуясь моментом отвлечения здоровяка в тёмных доспехах на пламя, которое покрыло всю верхнюю его половину, быстрыми рывками приближалась к валяющемуся в камнях воину.

<http://tl.rulate.ru/book/95229/3214907>